

Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году.

I.

Въ срединѣ Октября мѣсяца 1711 г. князь Борисъ Ивановичъ, Куракинъ, будучи въ Торгау, получилъ повелѣніе ѣхать въ качествѣ полномочнаго министра въ Гагу, 29 Октября онъ туда и пріѣхалъ¹⁾.

Это назначеніе было однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самое видное. Чтобы судить о его важности, надо вспомнить, что въ исторической жизни Европы вообще, а въ эпоху Петра Великаго въ частности, Голландія имѣла большое значенія. Страна, заселенная стойкимъ и трудолюбивымъ племенемъ, создавшимъ берега моря²⁾, подчинивъ эту могучую стихію разуму человѣка и заставивъ ее работать на него, страна искусныхъ и храбрыхъ мореплавателей, широкой колониальной дѣятельности, развитой промышленности, какъ земледѣльской, такъ и обрабатывающей, страна міровой торговли, банковъ и кредита. „биржа Европы“, какъ тогда называли Голландію, страна крупной научной дѣятельности и высоко развитаго искусства. наконецъ—страна, долгою и героическою борьбою отстаившая свою вѣроисповѣдную и государственную свободу отъ „демона Южныхъ странъ“, Филиппа II Испанскаго, и создавшая, почти исключительное въ Европѣ, если не считать Швейцаріи, гражданское устройство, Голландія естественно

¹⁾ См. „Р. Арх.“ 1907 г. 311—312. Точно обозначить время назначенія Б. И. Куракина посланникомъ въ Голландію трудно; самъ онъ говоритъ, что получилъ назначеніе 20 Окт., но у Бятышъ-Каменскаго („Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ М. 1894 г. стр. 194), Октября 17-го.

²⁾ По Голландской пословицѣ: Богъ создалъ море, а Голландцы берега.

должна была обращать на себя взоры другихъ Европейскихъ государствъ, болѣе или менѣе сильно подчинявшихся ея образовательному воздѣйствію. Не прошла безслѣдно эта страна и въ исторіи Россіи, особенно при Петрѣ, оказавъ нашей родинѣ многія, хотя и небезвозмездныя услуги.

Чтобы судить объ этомъ, сдѣлаемъ краткій очеркъ сношеній Россіи съ Голландіей до Петра и въ первые годы его царствованія.

Начало сношеній нашей родины съ Нидерландами относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ Новгороду Великому, который принималъ участіе въ Голландской торговлѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Голландцы уже настолько дорожили торговлею съ Россіей, что подкупали царскихъ совѣтниковъ съ цѣлію ограничить нашу торговлю съ Англіею¹⁾. Царемъ Грознымъ, его сыномъ Ѳеодоромъ и В. И. Шуйскимъ давались отдѣльнымъ Голландскимъ купцамъ жалованныя грамоты о свободной торговлѣ въ Россіи. Такъ, Голландскій купецъ Дебиттеръ до 1625 г. двадцать два года свободно торговалъ въ Россіи. Съ конца XVI в. и въ теченіи всего XVII-го болѣе и болѣе укрѣпляются связи Россіи съ Голландіей, при чемъ опредѣляются и тѣ начѣла, которыя развиваются въ позднѣйшихъ отношеніяхъ этихъ государствъ. Прежде всего сношенія велись чрезъ посольства, которыя не всегда преслѣдовали цѣли политическія, но главнымъ образомъ экономическія. Такъ, вскорѣ по прекращеніи смуты, въ Іюнѣ 1613 г., въ Голландію, отправлены были послы дворянинъ Степанъ Ушаковъ и дьякъ Семень Зоборовскій съ увѣдомленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича и съ просьбою о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія со Шведами²⁾. Въ Голландской землѣ послы держали себя пьяно и неучтиво. Побывавъ въ Вѣнѣ, на обратномъ пути въ Россію, они снова заѣхали въ Голландію, и на этотъ разъ всѣхъ удивляли скромностію, боязливостію и приличіемъ, что, можетъ быть, объяснялось ихъ безпомощнымъ положеніемъ: пріѣхали они въ жалкомъ состояніи, такъ что Голландское правительство снабдило ихъ всѣмъ нужнымъ, приказавъ выдать единовременно тысячу гульденовъ. Послы просили о помощи царю войскомъ и деньгами. Ни того, ни другого Голландцы не дали, но обѣщали посредничество въ примиреніи съ Швеціей. Царю отъ Голландскаго князя Маврикія дана была грамота, „съ полнымъ царскимъ именованіемъ“, при чемъ Голландцы просили царя о пропускѣ чрезъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. VII, 60—62.

²⁾ У Веневитинова „Русскіе въ Голландіи“ 1897, стр. 98, пр. I, сказано, что начало дипломатическихъ сношеній Россіи съ Голландіей относится къ 1615 г., что не вѣрно.

Россію въ Арменію и Персію Амстердамскаго купца Витзена для торговли¹⁾. Въ началѣ 1615 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Голландіи особый посланникъ Масса съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила и повторительною просьбою о проѣздѣ чрезъ Россію Голландскихъ купцовъ на Востокъ. Послѣ этого, спѣшно, въ Іюль этого же года, новые Русскіе посланники, Кондыревъ и Невѣровъ, пріѣхали въ Гагу, гдѣ просили Маврикія снабдить царя казною и пушками и запретить Голландцамъ поступать на службу къ недругамъ Россіи, Полякамъ и Шведамъ. Просьба посланниковъ 1614 года о посредничествѣ была исполнена: въ Столбовѣ Голландцы содѣйствовали заключенію мира Россіи съ Швеціей²⁾. Въ 1617 г. Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ просьбою о „повольномъ“ торгѣ и о томъ, чтобы царь принялъ Голландцевъ въ дружбу и союзъ. Въ отвѣтъ на это Русскіе просили Массу передать Штатамъ, чтобы они помогли царю противъ Польши. Въ слѣдующемъ году, въ Гагу пріѣхалъ Русскій посолъ Баклановскій, прося о присылкѣ 1100 п. пороху и 3000 п. свинцу, что Голландцы обѣщали исполнить. Такъ какъ Русскіе нуждались въ знающихъ людяхъ, то въ 1623 г. Маврикій писалъ въ Москву, что будетъ помогать царю въ принятіи на службу ремесленныхъ людей. Чрезъ годъ Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ ходатайствомъ о дозволеніи Голландцамъ ежегодно покупать въ Россіи хлѣба на двухъ корабляхъ; было дозволено купить 3000 четвертей. Этотъ Масса былъ до нѣкоторой степени довѣреннымъ лицомъ Россіи и часто сообщалъ Михаилу и въ Посольскій Приказъ о „политическихъ происхожденіяхъ“ въ Европѣ. Русская внѣшняя торговля уже въ царствованіе Михаила Ѳедоровича направлялась и къ Балтійскимъ портамъ; Голландцы были этимъ недовольны. Въ 1630 г. пріѣзжали въ Москву Голландскіе послы, Альбертъ Бургъ и Іоганъ Фелтдриль хлопотать о томъ, чтобы Русскіе не возили хлѣба, золы, льну и пеньки въ Данцигъ, и по прежнему спускали бы ихъ къ Архангельску, гдѣ покупали бы эти товары Голландцы; кромѣ того, послы высказывали желаніе Голландскихъ купцовъ вольно торговать въ Россіи, съ платежемъ умѣренной пошлины; просили о дозволеніи покупать въ Россіи хлѣбъ, рубить корабельный лѣсъ близъ Архангельска и по Двинѣ и пахать землю. Въ Москвѣ на предложеніе торговать вольно отвѣчали требованіемъ, чтобы Голландскіе купцы поименно заявили о томъ, кто изъ нихъ хочетъ торговать; всѣмъ купцамъ дозволить свободный торгъ нельзя: будутъ убытки Русскимъ купцамъ. Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ было условлено, чтобы Голландцы

¹⁾ Соловьевъ IX, 71, 72, 86.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Обзоръ сношеній, стр. 174 и слѣд.

имѣли въ Москвѣ по примѣру Англичанъ, человѣка, съ которымъ Русскіе купцы и должны были уговариваться относительно торговли. Въ просьбѣ пахать землю было отказано, но дозволено было рубить корабельный лѣсъ, только чрезъ Русскихъ; дозволено также вывезти 23000 четв. хлѣба¹⁾. По смерти Михаила, въ 1645 г., въ Голландію были отправлены гонецъ Спиридоновъ и толмачъ Романовъ съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Алексѣя. Въ слѣдующемъ году къ Генеральнымъ Штатамъ и принцу Генриху Нассаускому поѣхали въ качествѣ пословъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Байбаковъ для разбора взаимныхъ жалобъ и найма офицеровъ и солдатъ, чтò и было исполнено успѣшно. Въ этомъ же году пріѣзжалъ въ Москву Голландскій посолъ Бургъ съ просьбою, чтобы задержанные Русскимъ правительствомъ у купцовъ Виніуса и его товарищей, Агема и Марселиса, Тульскіе заводы были имъ возвращены и купцы эти освобождены отъ пошлинъ. Эти заводы, желѣзные и пушечные, Андрей Денисовичъ Виніусъ, съ братомъ Авраамомъ, построилъ еще въ 1632 г., въ 12 в. отъ Тулы, на р. Тулицѣ. При Алексѣѣ они были задержаны по случаю неисполненія договора съ царемъ. Бургъ, кромѣ того, просилъ, чтобы въ Москвѣ Голландцамъ дозволено было построить кирку и нанимать для услугъ Русскихъ людей, на что все и получилъ отвѣтъ отчасти удовлетворительный. Врагами Россіи въ Голландіи печатались о царѣ и странѣ неодобрительные отзывы; поэтому въ 1653 г. гонецъ Поливановъ привезъ къ Штатамъ грамоту съ жалобою на Польскихъ королей, Владислава и Яна Казимира, печатавшихъ укорительные отзывы о Русскомъ правительствѣ; а въ 1666 г., царь, чрезъ нарочито пріѣзжавшаго изъ Россіи переводчика, выговаривалъ Штатамъ о томъ, что издатели газетъ въ Голландіи, говоря о государѣ, называютъ его великимъ княземъ, а не царемъ.

Со второй половины XVII в. сношенія Россіи съ Голландіей уже настолько усилились, что Русское правительство сочло нужнымъ имѣть въ Голландіи постоянного представителя, которымъ въ 1660 г., съ титуломъ комиссаріуса, назначенъ былъ Англичанинъ Иванъ Гебдонъ. Онъ, съ дозволенія Англійскаго короля Карла II, нанималъ разныхъ людей въ Россію²⁾. Въ этомъ же году въ Голландіи были Русскіе послы, Нацокинъ и Кащеевъ, съ предложеніемъ Штатамъ, чтобы они, по прежнему, были въ дружбѣ и въ любви съ Россіей, не умаляя титула государя, и съ извѣстіемъ, что въ Россіи наложена была по-

¹⁾ Соловьевъ IX, 196—198, Ср. Б. Каменскій 178.

²⁾ Бантышъ Каменскій 180, 183, 184, 185, 187; Соловьевъ XII, 238—239.

шлина на всѣ привозимые товары. Въ отвѣтъ на это посольство, въ 1664 г., пріѣхалъ въ Москву посолье Борель съ предложеніемъ 29 статей, въ которыхъ говорилось, чтобы обновлены были и подтверждены всѣ тѣ предложенія, о которыхъ говорилъ Бургъ, чтобы въ грамотахъ Штатамъ сохранялся титулъ „высокомочные“, чтобы дозволено было Голландцамъ по прежнему безошлинно торговать въ Россіи и т. п. При этомъ Штаты предлагали свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Польшей. Какъ извѣстно, это примиреніе состоялось въ Андрусовѣ, извѣстіе о чемъ привезъ въ Голландію подъячій Головнинъ. Титулъ „высокомочные господа Штаты“ царь сталъ писать въ грамотахъ только съ 1670 г., о чемъ хлопоталъ Голландскій посланникъ Н. Гейнсъ, который, между прочимъ, предлагалъ, но неуспѣшно, и о посредничествѣ Голландіи въ примиреніи Россіи съ Швеціей. Въ 1676 г. пріѣхалъ въ Москву великій и полномочный посолье Кленкъ. Онъ просилъ, чтобы Россія напала на Шведовъ, которые, соединясь съ Франціей, воевали съ Голландіей (въ эпоху первой коалиціи противъ Людовика XIV). Кленку было отказано по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Швеціей. Кромѣ того, Кленкъ ходатайствовалъ о свободной торговлѣ иностранцевъ въ Россіи, о торговлѣ съ Персіей шелкомъ-сырцомъ, о производствѣ торговаго въ Архангельскѣ только до Сентября, о дозволеніи купить 40 т. четвертей хлѣба, ѣздить купцамъ и посланникамъ чрезъ Россію въ Китай и Хиву и о томъ, чтобы въ грамотахъ штатгальтеру писать „высочество“, а вмѣсто князя—принцу Оранскому. Кленкъ оставилъ Келлера, своего маршалка, постояннымъ резидентомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ до 1689 г. Преемникомъ его былъ Гулстъ, замѣненный въ 1700 г. Яковомъ де-Віе. Ходатайство Кленка о торговлѣ съ Персіей и Китаемъ было отклонено, потому что дѣла торговли требуютъ „великаго труда и размышленія“¹⁾).

Кромѣ сношеній чрезъ посольства и всякаго рода грамоты, въ XVII в. Россія поддерживала съ Голландіей дѣятельныя связи и другими путями. Военная нужда заставляла искать въ Голландіи опытныхъ военныхъ руководителей и закупать припасы для войны. Изъ Нидерландовъ призывались въ Россію генералы, офицеры, рейтары и солдаты. Такъ, въ 1631 г. отправленъ былъ изъ Россіи въ Голландію полковникъ Лесли для найма военныхъ людей²⁾. Въ 1649 г. Голландскій офицеръ Марешаль, имѣя грамоту отъ Штатовъ, просилъ царя Алексѣя о принятіи его на службу полковникомъ. Въ 1662 г. пріѣхали въ Россію

¹⁾ Бантышъ Каменскій стр. 186, 188, 187, 189, 190, 194.

²⁾ Б. Каменскій стр. 185; Соловьевъ IX, 218.

генераль-поручика Карль Эргартъ и разные офицеры, нанятые резидентомъ Гебденомъ¹⁾. Русское правительство закупало въ Голландіи порохъ, свинець и ружья. Такъ царь Михаилъ просилъ позволенія купить въ Голландіи 500 мушкетовъ и другое оружіе. Покупка военныхъ припасовъ особенно усилилась съ 50-хъ годовъ XVII столѣтія. Въ Августъ 1653 г., отправленъ былъ въ Голландію капитанъ Фанъ-Керкъ Говенъ для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замковъ и для призыва въ Россію мастеровъ, которые бы умѣли ихъ дѣлать; а въ Октябръ этого года подъячій Головинъ закупилъ въ Голландіи 20000 мушкетовъ и 30.000 пудовъ пороху²⁾.

Изъ Голландіи пріѣзжали въ Россію и другіе знающіе люди. Въ первой четверти XVIII в. въ Москвѣ жили Голландскіе доктора Іовъ Полиданъ и Матвѣй; послѣдняго въ 1624 г. Масса просилъ царя Михаила отпустить на родину. Въ 1637 г. докторъ Ренинъ Пауда просилъ царя принять его на Русскую службу³⁾. Аптекарскаго сына Яковъ Арсенъ учился медициной въ Голландской школѣ. Въ Россію пріѣзжали изъ Голландіи и всякаго рода ремесленные люди. Въ 1624 г. пріѣхали знавшій городовое дѣло Яковъ Демушеронъ и бархатное—Кашпоръ Ѳедоровъ, съ рекомендаціями отъ Маврикія. При Михаилѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Эксель, по порученію царя, нанималъ мастеровъ въ Голландіи; въ Москвѣ, при дворѣ, жили Голландскіе органные мастера; выписанъ былъ также „Голландскія земли Нѣмчинъ“ кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ, который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ „по своему Нѣмецкому образу“⁴⁾. Точно также, помимо военныхъ припасовъ, Русскіе покупали въ Голландіи, особенно про дворцовый обиходъ, разнаго рода узорчатые товары, посуду, сукно и т. п., а въ Нидерланды вывозили для продажи казенный хлѣбъ, поташъ, ремень, ленъ, пеньку, селитру, лѣсъ, рыбу, икру, золу, и др.⁵⁾.

Конечно, самыя крѣпкія связи были торговыя, для упроченія которыхъ цари отдѣльными грамотами давали Голландцамъ широкія льготы. Въ 1614 г. дана была грамота „Компаніи Голландскихъ гостей“ на трехлѣтнюю свободную и безошлинную торговлю, освобождавшая

¹⁾ Соловьевъ XII, 238—239, В. Каменскій 185.

²⁾ В. Каменскій 178; Соловьевъ X, 348—351.

³⁾ В. Каменскій 175, 176, 179.

⁴⁾ Соловьевъ IX, 423; В. Назаревскій: Трехсотлѣтіе съ освобоженія Москвы отъ Поляковъ. М. 1911 г., стр. 82.

⁵⁾ В. Каменскій 184—185.

купцовъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, кромѣ дѣлъ уголовныхъ¹⁾. Кромѣ того, въ 1628 г. многіе Голландцы просили у царя Михаила правъ на свободную торговлю. При Алексѣѣ, кромѣ Виніуса, льготами свободнаго торга пользовались Акема и Марселисъ, устроившіе пушечные и желѣзные заводы по р.р. Вагъ, Шексиѣ и Костромѣ²⁾. Въ 1670 г. дана привиллегія Голландцу Миллеру на свободный вывозъ въ теченіи десяти лѣтъ корабельныхъ деревьевъ³⁾.

Сложное торговое дѣло, какъ и вообще нерѣдко бываетъ, сопровождалось спорами и всякаго рода злоупотребленіями, чтѣ принуждено было разбирать Русское правительство. Случалось, что Голландскіе купцы уѣзжали безъ платежа пошлинь за привезенные товары, напр. Выдерсъ и Корнилосъ; случалось, что Русскіе притѣсняли Голландцевъ во взиманіи пошлинь, напр. купца Рака въ 1644 г.; случилось, что Голландскіе купцы хлопотали о снятіи съ нихъ пошлинь, напр. Фоглеръ, Клинкъ и Сванъ въ 1651 г., съ посланной ими за границу золы. На почвѣ обмѣна возникали, то спорныя торговыя дѣла, напр., у Голландскихъ купцовъ Фоглера и Клинка съ купцомъ Свѣтошниковымъ въ икряномъ промыслѣ на 10000 р., то дѣла по разсрочкѣ долга, напр. купцу Еремѣю Иванову, то дѣла по неплатежу денегъ за проданный товаръ и под. Иногда сами Штаты просили царя, чтобы онъ принудилъ Голландскихъ купцовъ заплатить долги своимъ землякамъ, напр. въ 1666 г. Свелингребеля Амстердамскому купцу Пемеру; иногда царь просилъ Голландское правительство понудить Голландскихъ купцовъ заплатить деньги Русскимъ торговцамъ, напр. Свелина Буйкову за поташъ 3193 р. Нерѣдко Голландцы жаловались на притѣсненія воеводъ, напр. въ 1636 г. царю Михаилу на Кольскаго воеводу князя Щербатова въ обидахъ по рыбной ловлѣ и въ отнятіи табаку⁴⁾. Въ свою очередь Русскіе купцы жаловались на злоупотребленія Голландцевъ и на стѣсненіе торговли съ ихъ стороны. Такъ, Голландцы, торгуя въ разбродѣ, отнимали барыши у Русскихъ⁵⁾. Въ 1652 г. Вологодскіе купцы жаловались на производство Голландцами мелочнаго торга. Бывали случаи, что Голландцы злоупотребляли монетою. Такъ, въ 1641 г. царь Михайлъ выговаривалъ Штатамъ, что ихъ купцы дѣлали изъ ефимковъ серебряные рубли, которые и привозили въ Россію. Въ 1660 г. казненъ былъ въ Россіи Амстердамскій житель Индрикъ

¹⁾ Соловьевъ X, 145.

²⁾ Соловьевъ IX, 420—423.

³⁾ Б. Каменскій 188.

⁴⁾ Б. Каменскій стр. 179—181, 187, 185, 189.

⁵⁾ Соловьевъ IX, 120, 415, 416—417; X, 145.

Индриксонъ за дѣланіе имъ воровскихъ мѣдныхъ денегъ, коими обмануть былъ Русскій купецъ Филатьевъ. При царѣ Алексѣѣ возбуждались дѣла о томъ, что Голландцы платили пошлины фальшивыми Голландскими ефимками¹⁾. На злоупотребленія Голландцевъ въ торговлѣ жаловались Московскому правительству и Англичане²⁾.

*

Такимъ образомъ, еще задолго до Петра Великаго Голландія для Русскихъ была не чужою странкою, но очень знакомою по разнаго рода связямъ, преимущественно экономическимъ. Эти связи въ XVII в. намѣчали и тотъ путь сношеній съ Голландіей, по которому пошелъ царь Петръ, расширивъ его и углубивъ. Такъ какъ при дѣдѣ и отцѣ Петра, Голландія свила себѣ прочное гнѣздо въ Россіи и заявила себя съ разнообразныхъ сторонъ, то и Великое посольство 1697 г. направлялось преимущественно въ Голландію, гдѣ оно пробыло почти годъ и гдѣ самъ царь жилъ 4 $\frac{1}{2}$ мѣсяца, подъ протекціей бургомистра Н. Витзена, знаменитаго автора сочиненія „Татарія Восточная и Южная“, жившаго при царѣ Алексѣѣ въ Россіи и сохранявшаго съ ней связи и по выѣздѣ въ Голландію. Великое посольство еще болѣе закрѣпило нити, связывавшія Россію съ Голландіей, и сблизило эти страны³⁾. Съ одной стороны сами Голландцы воспользовались посольствомъ, чтобы устроить дѣла Австрійскія⁴⁾. Во время пребыванія Петра въ Голландіи, Штаты хлопотали о заключеніи мира Австріи (союзницы Россіи) съ Турціей, потому что эта борьба отвлекала Австрійскаго императора отъ готовившейся войны съ Франціей за Испанское наслѣдство. Но въ то же время для Голландіи было выгодно, чтобы Россія воевала съ Турціей, которая, такимъ образомъ, была бы занята и не отвлекала Императора отъ дѣлъ Франціи⁵⁾. Теперь Голландцы имѣли возможность ближе ознакомиться съ царемъ, его взглядами, направленіемъ политики, что все должно было отразиться на характерѣ дальнѣйшихъ отношеній обѣихъ державъ.

Но несравненно болѣе значеніе имѣло посольство для Россіи. Подготовленный къ сближенію съ Голландіей предыдущимъ временемъ Петръ увидалъ страну настолько привлекательную, а для пользы Русскихъ выгодную, что впоследствии за все время своего царствованія,

¹⁾ Б. Каменскій 180, 187, 190.

²⁾ Соловьевъ XII, 246—248.

³⁾ Соловьевъ XIV, 233, 236. Веневитиновъ—Русскіе въ Голландіи 188.

⁴⁾ Вообще-же Голландцы не понимали цѣлей путешествія Петра, думая, что оныя своимъ сближеніемъ съ Европой, хотѣлъ пережвѣнить у насъ въру.

⁵⁾ Соловьевъ XIV, 237.

ей одной дарилъ свое преимущественное сочувствіе и дружбу. Практическій народъ въ глазахъ царя-работника былъ особенно поучителенъ. Вступая „на новый путь первоначально подъ флагомъ Голландской цивилизаціи“, Петръ даже свой излюбленный Петербургъ устраивалъ по образу Амстердама¹⁾. Вотъ почему и во время пребыванія Петра въ Голландіи и послѣ начинаются особенно дѣятельныя сношенія царя съ этой страной. Сюда преимущественно посылаются молодые люди для изученія морскаго дѣла. Сочувствіе Штатовъ укрѣпляется дарованіемъ правъ отдѣльнымъ Голландцамъ; такъ напр., Голландецъ Ив. Тессингъ въ 1700 г. получаетъ жалованную грамоту на печатаніе въ Голландіи ландкартъ, чертежей, кунштовъ, математическихъ и военныхъ книгъ, на Славянскомъ и Голландскомъ языкахъ съ провозомъ ихъ на продажу въ Россію. Нѣкоторые Голландскіе купцы вступаютъ въ близкія отношенія къ царю, и онъ собственноручно съ ними переписывается. Вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1699 г., царь, заботясь объ укрѣпленіи связей съ Голландіей, счелъ нужнымъ отправить въ Гагу Матвѣва въ чинѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, съ дьякомъ Ив. Волковымъ и 8 дворянами на постоянную резиденцію²⁾. Случалось, что изъ Гаги Матвѣвъ назначался то въ Парижъ (4 Сент. 1705 г.), то въ Лондонъ (27-го Дек. 1706 г., возвр. 1708 г. 19-го Авг.); но эти назначенія были временными. И при отлучкахъ Матвѣвъ руководилъ дѣлами въ Голландіи³⁾, которыя были самаго разнообразнаго характера, начиная отъ присылки формъ для дѣланія фейерверковъ и кончая сложными, политическими; послѣднія разрѣшались, большею частію, къ выгодѣ обѣихъ державъ. Такъ, въ 1699 г., увѣдомляя Штаты о заключеніи двухлѣтняго перемирія съ Портою, царь просилъ Голландское правительство, чтобы его посланникъ въ Константинополь помогалъ Русскому (Украинцеву) для заключенія перемирія на бѣдшій срокъ, на что Голландцы, хотя это было и не особенно для нихъ выгодно, согласились⁴⁾. Въ 1705 г. торговыя отношенія обѣихъ державъ были уже настолько сложны, что царь нашелъ нужнымъ ихъ упорядочить, отправивъ къ Матвѣву полномочіе учинить съ Голландцами „Купеческій договоръ и о морскомъ ходу“. Правда, когда началась Сѣверная война, Штаты, руководимые

¹⁾ Вeneвѣтиновъ стр. 189.

²⁾ При посольствѣ въ 1703 г. учреждена была и церковь для службы Божіей; къ ней отправленъ былъ священникъ Аванасій Георгіевъ. Б. Каменскій 192.

³⁾ Непосредственно, на время отлучекъ Матвѣва, дѣлами завѣдывалъ надзиратель за Русскими матросами фонъ-деръ Бургъ, впоследствии Русскій агентъ въ Нидерландахъ.

⁴⁾ Б. Каменскій 191.

Вильгельмомъ III, который тогда былъ представителемъ двухъ державъ (Англіи и Голландіи) просили царя прекратить ее, такъ какъ Шведы были не виновны. Таже просьба была повторена и въ 1701 г., съ объясненіемъ, что Голландія не можетъ прекратить союзъ съ Швеціей. Успокаивая Штаты, царь отвѣчалъ завѣреніемъ готовности помириться со Шведомъ. И поздыѣ, Голландія не всегда дѣйствовала въ Сѣверной войнѣ согласно съ выгодами Россіи, такъ какъ руки Штатовъ были связаны союзомъ „Великаго Аліанса“. Они, напр., отговаривали Датчанъ отъ Сѣвернаго союза, потому что Данія важна была для Голландіи, какъ союзница Запада. Тѣмъ не менѣе она не употребляла и особыхъ средствъ къ умаленію Русскихъ выгодъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея собственныя выгоды не страдали, помогала возвышенію Россіи и охотно шла на уступки въ ея пользу. Въ Балтійскомъ поморьѣ Голландцы имѣли торгъ, вслѣдствіе чего Сѣверная война подрывала ихъ торговые обороты. Отсюда возникалъ цѣлый рядъ взаимныхъ ходатайствъ, почти всегда сопровождавшихся взаимнымъ соглашеніемъ. Въ 1705 г., по просьбѣ Штатовъ, царь согласился не бомбандировать Ригу, въ которой было много Голландскихъ купцовъ. Когда Франція предлагала царю союзъ и однимъ изъ его условій требовала прекращеніе торговли Россіи съ Голландіей и передачи ея Франціи, то царь не согласился на этотъ союзъ на предложенномъ условіи, хотя онъ и былъ выгоденъ для Русскихъ въ другихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что когда, напр., Карлъ XII низложилъ въ Польшѣ Августа и возвелъ на престолъ Станислава Лещинскаго, то Штаты, въ угоду Россіи, не признали его королемъ Польши, за что получили особыя торговыя привилегіи, между прочимъ, освобожденіе своихъ судовъ отъ сбора ластовыхъ денегъ*). Въ Голландіи, при дѣятельномъ участіи Матвѣева, заключенъ былъ и актъ нейтральства съ цѣлію обезпеченія спокойствія въ Имперіи, оберегавшій союзниковъ Петра, Датскаго и Польскаго королей, отъ Шведовъ. Сочувствіе Голландцевъ къ Россіи побуждало Петра предъ Полтавскою побѣдою искать посредничества Голландцевъ въ дѣлѣ примиренія со Швеціей. Въ 1709 г. Штаты одни изъ первыхъ поздравили Петра съ „преславной викторіей“ Полтавы.

Вообще, въ первые годы царствованія Петра, Голландія была самою дружественною страной для Россіи въ Европѣ; таковою она осталась и послѣ. Особенно была полезна эта дружба въ Сѣверную войну, когда Голландія явилась центральнымъ мѣстомъ Европейской

*) Тамъ же, стр. 193.

дипломатіи; здѣсь былъ главный штабъ войны за Испанское наслѣдство. Въ то же время, по словамъ Англійскаго посла Витворта, Гага была и важнымъ мѣстомъ Сѣверной войны¹⁾. Послѣ смерти Австрійскаго императора Іосифа I, когда представители „Великаго Аліанса“ стали заговаривать о мирѣ и когда должны были разрѣшиться запутанные вопросы вѣка, возникшіе изъ союзовъ Западнаго и Сѣвернаго и изъ отношеній ихъ другъ къ другу, Голландія, гдѣ должны были разрѣшиться эти вопросы, особенно выдвигалась. Въ ней созывался международный съѣздъ для рѣшенія Европейскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ Голландіи возникали „важныя обстоятельства²⁾“, воспользоваться которыми и предостеречь ихъ вредныя послѣдствія было крайне необходимо. Къ счастью для Россіи разрѣшеніе вопросовъ вѣка сосредоточивалось въ странѣ, близкой къ нашей родинѣ по предыдущимъ отношеніямъ, пользовавшейся симпатіями царя и находившей себѣ выгоду въ ея поступательномъ движеніи. Теперь нужно было найти такого человѣка, который бы могъ понять сложную задачу времени и разрѣшить ее къ пользу Россіи. Въ князѣ Б. И. Куракинѣ Петрѣ и на этотъ разъ нашелъ человѣка, который могъ оправдать его довѣріе.

II.

Съ Голландіей Б. И. Куракинъ знакомъ былъ и раньше. Нѣкоторые дѣлаютъ предположеніе, что онъ участвовалъ временно въ составѣ „Великаго посольства“ и написалъ „Записную книжку великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина Россійскаго посольства³⁾“. Авторъ „записки“ былъ въ посольствѣ во время пребыванія его въ Амстердамѣ и Гагѣ; пріѣхалъ онъ въ Голландію ранѣе пословъ и выѣхалъ въ Италію раньше выѣзда посольства изъ Голландіи. Что Куракинъ былъ за границей и въ годъ Великаго посольства, это несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что онъ и авторъ записки—два разныхъ лица. Куракинъ выѣхалъ изъ Москвы на 21 году своей жизни, въ Мартѣ 1697 года, въ Италію, „для наукъ навигацкихъ“, вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами: авторъ-же записки—11 Мая 1697 г.. Далѣе маршрутъ автора записки не сходится съ маршрутомъ Куракина⁴⁾. Если-бы кн.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русск. Истор. Общества т. 50., стр. 443.

²⁾ Сборникъ т. 61, стр. 14, 73.

³⁾ Горбуновъ. „Р. Старина“ 1879 г. т. XXV, стр. 101 и слѣд. Ср. Веневитиновъ, стр. 66—67.

⁴⁾ Маршрутъ автора Записки былъ такой: Выѣхавъ изъ Москвы 11 Мая 1697 г., онъ чрезъ Клинь, Торжокъ и Новгородъ прибылъ въ Нарву. Отсюда 11 Іюня, моремъ, онъ отправился въ Любекъ, а затѣмъ, чрезъ Гамбургъ, 21 Іюня прибылъ въ Амстер-

Куракинъ былъ въ составѣ Великаго посольства, то, несомнѣнно, онъ упомянулъ бы объ этомъ въ своемъ Дневникѣ и въ своей автобіографіи. Въ Дневникѣ, напр., князь подробно описываетъ Голландію, въ которую онъ ѣздилъ уже въ концѣ (Октябрь) 1705 года и въ которой пробылъ почти цѣлый годъ; при этомъ описаніе Голландіи ведется отъ имени лица, впервые посѣтившаго страну въ 1705 г., чего бы Куракинъ не сдѣлалъ, еслибы былъ въ Голландіи и въ 1697 г. Въ Дневникѣ онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни посольства, но какъ о событіяхъ прошлыхъ, по воспоминаніямъ о нихъ другихъ лицъ, или по сближенію мѣста и сходства, но отнюдь не времени. Несомнѣнно, что князь Куракинъ много написалъ сочиненій не дошедшихъ до насъ. Въ частности онъ написалъ, или хотѣлъ составить описаніе Голландіи на Голландскомъ языкѣ, изобразилъ „Віажъ Итальянскій“, книгу „Пелигринаци и дѣль Гамбургскихъ и др.¹⁾“, но не вѣрно, чтобы онъ описалъ пребываніе посольства въ Голландіи, потому что самъ не участвовалъ въ его составѣ.

Въ Голландіи кн. Куракинъ былъ позднѣе. Первый разъ князь ѣздилъ въ Голландію для лѣченія, изъ Карлсбада, въ Октябрѣ 1705 г. Здѣсь князь прожилъ до конца Мая 1706 г., восемь мѣсяцевъ, позна-

дамъ. 15 Сентября онъ участвовалъ въ торжественномъ вѣздѣ посольства въ Гагу и вернулся оттуда въ Амстердамъ, гдѣ 28 Октября видѣлъ торжество объявленія Рисвикскаго мира. Затѣмъ, изъ Амстердама 1 Апрѣля 1698 г. авторъ чрезъ Кельнъ, Кобленцъ, Майнцъ, Франкфуртъ и Инсбрукъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ 11 Мая видѣлъ церемонію обрученія дожа съ Адриатическимъ моремъ. Кромѣ Венеціи путешественникъ посѣтилъ слѣдующіе города Италіи: Падую, Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Ливорно, Геную, Нови, Миланъ, Бресцію, Верону, Виченцу. 6-го Іюня онъ вернулся въ Венецію и пробылъ въ ней до 18 Октября, когда предпринялъ обратный путь въ Россію; ѣхалъ чрезъ Гамбургъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Мемель, Митаву и Ригу; 27 Февраля прибылъ въ Москву. Куракинъ же выѣхалъ въ первыхъ числахъ Марта 1697 г. чрезъ Смоленскъ, Могилевъ, Минскъ, Варшаву, Ченстоховъ, Силезію, Моравію, Ольмюцъ, Вѣну, Альпы въ Венецію, куда пріѣхалъ въ Іюні. Въ Венеціи князь лѣчился отъ лихорадки у доктора Александра Грека въ теченіи шести недѣль. Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ былъ въ Далмаціи, въ Рагузѣ, а, потомъ, испыталъ при переѣздѣ чрезъ Адриатическое море бурю, былъ въ Барѣ, Неаполѣ и Римѣ, послѣ чего возвратился въ Венецію. Въ Октябрѣ слѣдующаго года, чрезъ Вѣну, Краковъ и Кіевъ, князь Куракинъ выѣхалъ въ Россію; въ Москву онъ пріѣхалъ въ Февралѣ 1699 г. Т. обр., изъ этого сопоставленія маршрутовъ видно, что поѣздка кн. Куракина совпадаетъ съ поѣздкою автора записки только во времени выѣзда изъ Венеціи и прибытія въ Москву; все остальное—противорѣчить. См. Архивъ кн. Кур. I, 254—256 стр., Куракинъ сообщаетъ, что онъ написалъ особую книгу „о всемъ моемъ віажѣ“ (Архивъ I, 272), но вѣроятно это относится къ Дневнику, гдѣ князь подробно описываетъ свое путешествіе въ Голландію, но относящееся уже къ 1705—1710 гг., Арх. 101—240.

*) См. Архивъ кн. Кур., т. IV, стр. 467—468.

комился съ страною, побывавъ во многихъ городахъ Голландіи и подробно ихъ описавъ. Вторично онъ посѣтилъ Голландію въ Маѣ 1708 г., пріѣхавъ сюда изъ Гамбурга, чрезъ Ганноверъ, и пробылъ до Августа, побывавъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и др. городахъ. Сохранилось извѣстіе, что въ этомъ году князь пріѣзжалъ въ Голландію по распоряженію царя „находиться при послѣ Матвѣевѣ для пріученія политическихъ дѣлъ“: но вскорѣ отправленъ былъ въ Англію, гдѣ, пробывъ около года, снова возвратился въ Гагу¹⁾; самъ князь Куракинъ ничего не говоритъ объ этой командировкѣ, что онъ не преминулъ бы сдѣлать, если-бы дѣйствительно участвовалъ въ ней. Правда, автобіографическія записки князя не даютъ точныхъ указаній относительно поводовъ его путешествія въ Голландію въ 1708 г., но ихъ можно объяснить необходимостію получить въ Голландіи деньги какъ для уплаты издержекъ по заграничному путешествію, такъ и для того, чтобы отправиться въ Россію. Случай прикомандировки кн. Куракина къ посольству Матвѣева, если и былъ, то относится къ позднѣйшему времени, къ 1711 году, хотя, повторяемъ, самъ князь нигдѣ и ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, всегда разсуждая о своихъ назначеніяхъ, какъ о самостоятельныхъ порученіяхъ. Послѣ пребыванія своего въ Ганноверѣ, князь, дѣйствительно, ѣздилъ въ Голландію, но затѣмъ, чтобы занять тамъ денегъ, безъ чего онъ не могъ уѣхать въ Англію, куда назначался послѣ Ганновера, что было позднѣе 1708 г. Это было третье путешествіе кн. Куракина въ Голландію, во время котораго онъ совѣтовался съ Матвѣевымъ по Англійскимъ дѣламъ что дѣлалъ и по порученію канцлера Головкина²⁾, и познакомился съ выдающимися лицами страны; но нѣтъ указаній, чтобы и на этотъ разъ онъ подчиненъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ Матвѣеву, или находился въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ, послѣдній разъ князь посѣтилъ Голландію на короткое время, по дорогѣ изъ Англіи въ Россію, помѣстивъ въ Лейденѣ, для обученія, своего сына, Александра.

Въ 1711 году князь ѣхалъ въ Голландію, какъ страну, вполне ему извѣстную, гдѣ учится его сынъ и гдѣ самъ онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ. Нельзя сказать, чтобы страна эта пользовалась особымъ сочувствіемъ его. „Вся Голландія, писалъ онъ изъ Лондона Матвѣеву, мнѣ противна“; тѣмъ не менѣе, этотъ отзывъ скорѣе надо относить къ климату страны, въ которой приходилось жить болѣзненному князю, чѣмъ къ другимъ условіямъ.

¹⁾ Бантышъ Каменскій 194.

²⁾ Архивъ кн. К., IV, 202.

17 Окт., 1711 года, получивъ полномочную грамоту въ Торгау, гдѣ тогда находился царь, и пачпортъ¹⁾, князь Куракинъ выѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія. Тамъ былъ уже представитель Россіи Матвѣевъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, къ которому Петръ написалъ собственноручное письмо: „Господинъ посоль! Посылается въ Голландію нашъ полномочный министръ князь Куракинъ для пресереганія нашихъ интересовъ. И тебѣ бы быть съ нимъ во всемъ согласну и обще наши дѣла управлять“²⁾. Такимъ образомъ кн. Куракинъ послался не въ качествѣ простаго совѣтника, но полномочнаго министра при существующемъ послѣ, что случалось въ практикѣ тогдашняго времени³⁾. Князь Куракинъ послался съ особою цѣлью. Еще въ Апрѣлѣ 1710 года Матвѣеву было предписано слѣдить, чтобы воюющіе на Западѣ при заключеніи мирнаго трактата съ Франціею не внесли въ него условія о помощи Шведскому королю или явно (вступленіемъ въ союзъ) или тайно, деньгами и войсками. Русское правительство опасалось и того, чтобы при заключеніи мира на Западѣ воюющіе не внесли въ трактатъ обязательства о сильной медиации, посредствомъ которой можно было бы принудить царя возвратить Карлу XII завоеванное въ Прибалтійскомъ краѣ. Матвѣеву предписывалось слѣдить и за тѣмъ, чтобъ союзникамъ Петра, Польскому и Датскому королямъ, при заключеніи проекта, не было сдѣлано чего-либо предосудительнаго къ ихъ выгодамъ. Еслибы Матвѣевъ узналъ, что при заключеніи трактата Шведы стали бы домогаться о помощи себѣ со стороны Запада или о сильной медиации, то обязанъ былъ всячески это домогательство пресѣкать, заботясь о томъ, чтобы воюющіе на Западѣ оставили Восточныхъ государей и союзниковъ царя „въ своей силѣ“. Въ числѣ доводовъ, почему Западные не должны были вмѣшиваться въ Сѣверную войну, Матвѣевъ долженъ былъ указывать и на то, что ни царь, ни его союзники не только не вмѣшивались въ войну на Западѣ, но и обнаруживали всякую склонность къ Западнымъ „Аліатамъ“. Если бы этотъ и другіе доводы не подѣйствовали, то Матвѣевъ обязанъ былъ объявить, на основаніи послылавшейся ему особою полномочной, что царь и его союзники—склонность Западныхъ державъ къ Шведамъ будутъ считать за противность себѣ и „воспримутъ инья миры“ къ своей защитѣ⁴⁾. Такимъ образомъ Русское

¹⁾ Архивъ Кн. К. П, 45. 47.

²⁾ Архивъ Кн. К. П, 44—45.

³⁾ Такъ въ 1712 г. въ Вѣну, къ Урбиху былъ посланъ Нарышкинъ договариваться о заключеніи союза Австріи съ Россіей. Соловьевъ XVII, 105.

⁴⁾ Архивъ Кн. К. П, 32—33.

правительство, еще задолго до заключенія Утрехтскаго мира, старалось опредѣлить отношеніе Западнаго „аііанса“ къ Восточному.

Въ свою очередь и Западные союзники зорко слѣдили за Восточными. Англичане, напр., опасались, какъ бы дѣйствія ихъ противъ Франціи не стали въ злополучную зависимость отъ Сѣверной войны, при чемъ желали, чтобы сѣверный союзъ сталъ или въ дружественныя отношенія къ западному или лишень былъ возможности стать его врагомъ¹⁾. Когда въ первой половинѣ 1711 г. въ Русской политикѣ стало обнаруживаться намѣреніе сближенія съ Франціей, то Англійская политика обнаружила тревожное состояніе. Въ бытность царя въ Карлсбадѣ, въ 1711 г., Англійскій посланникъ Витвортъ, бывъ въ конференціи съ Русскими, предлагалъ I): Хотя по времени между царемъ и союзными державами, воюющими противъ Франціи, явилось нѣкоторое несогласіе, устроенное врагами, желавшими поссорить царя съ союзниками, хотя королева и знаетъ о пропозиціяхъ, которыя предложены отъ Французскаго двора Русскому, тѣмъ не менѣе она не показала себя противною царю; наоборотъ—обнаружила явные опыты своей склонности и дружбы, сказавшіеся, между прочимъ, и въ содѣйствіи Англій къ примиренію Турціи съ Россіей, о чемъ ходатайствовала кн. Куракинъ, когда былъ посломъ въ Англій. Это содѣйствіе непременно бы обнаружилось, если бы ранѣе того не былъ заключенъ миръ на Прутѣ. II). Заботясь о безопасности Имперіи и огражденіи ея со стороны Французовъ, королева, какъ извѣстно, сочинила актъ нейтральства и даже, хотъ сама имѣла нужду въ войскахъ, нѣкоторое ихъ количество отправила, по данному обѣщанію, къ арміи нейтральства. Изъ этого, еслибы царь благоизволилъ разсудить о своемъ интересѣ, „оставя всякое похлѣбство иныхъ“²⁾, онъ и его союзники получали великій авантажъ и пользу. И хотъ союзники Англій имѣли достаточное основаніе мѣшать осуществленію задачъ нейтральства, опасаясь какъ бы не усилить Францію, тѣмъ не менѣе они допустили Польскаго и Датскаго королей войска Шведскія, находившіяся въ Помераніи, разорить и разогнать и даже, для усиленія Польскаго, на своихъ проторяхъ перепустили нѣсколько и своихъ войскъ. III). Королева надѣется, что царь, видя всѣ эти благожелательныя дѣйствія Англій, оставитъ всякія причины къ недовѣрію и несогласію съ союзниками Англій. Нынѣ царь приказалъ своимъ войскамъ идти въ Померанію, чтобы разорить Шведскія. Это можетъ внушить союзникамъ запада подозрѣніе относительно

¹⁾ Сборникъ 50; 437, 481. Ср. Р. Арх. 1907, II, 307—308.

²⁾ Разумѣется—Французовъ и ихъ сторонниковъ.

дальнѣйшихъ намѣреній царя: войска Шведскія въ Помераніи не настолькоъ сильны, чтобы можно было ихъ опасаться и тѣмъ болѣе ихъ наступательныхъ дѣйствій. Поэтому королева желаетъ получить отъ царскаго величества объявленіе относительно дальнѣйшихъ его намѣреній и того, чтобы царь принялъ мѣры, ограничивающія войну въ Имперіи, сдерживавшія ея распространеніе, чтобы король Датскій въ Мекленбургскомъ нейтральномъ княжествѣ не бралъ квартиръ и не отягощалъ жителей налогами, также чтобы война не распространялась за Эльбу, чего западные союзники, для содержанія покоя въ Имперіи, допустить не могутъ и въ крайнемъ случаѣ принуждены будутъ воспріять нныя мѣры. IV). Такъ какъ царь объявлялъ себя всегда склоннымъ къ миру со Шведами, а королева имѣла особое стараніе прекратить войну на Сѣверѣ, тоже и приказала Витворту, въ случаѣ, еслибы царю угодно было объявить свои кондиціи мира—предложить отъ ея имени условія, которыми бы царь остался доволенъ. На эти свои предложенія Витвортъ желалъ получить отвѣтъ *).

Здѣсь нѣтъ надобности опредѣлять, насколько важно было содѣйствіе Англіи въ Турецкихъ дѣлахъ и въ организаціи арміи нейтральства; извѣстно, что Англичане очень богаты были на обѣщанія, а не на дѣло, чѣмъ и объясняется желаніе царя сблизиться съ Франціей и его распоряженіе о посылкѣ своихъ войскъ въ Померанію. Предложенія Витворта важны тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о желаніи западныхъ союзниковъ установить болѣе или менѣе точно свои отношенія къ сѣвернымъ.

Чтобы опредѣлить эти отношенія и предостеречь Русскія выгоды. вытекавшія изъ создававшихся условій, особенно въ дни, когда война на Западѣ прекращалась и западные могли имѣть свободныя руки, чтобы дѣйствовать въ пользу Шведамъ, и посылался князь Б. И. Куракинъ. „И дана была мнѣ, пишетъ онъ, великаго дѣла инструкція—предложеніе чийить союзнымъ: не мѣшаться въ дѣла Сѣверной войны, ни воюющимъ сѣвернымъ не мѣшаться въ дѣла союзныхъ съ Франціей“. Дѣло это, дѣйствительно, было самое важное и самое трудное, потому что приходилось отстранить участіе Запада въ дѣлахъ Сѣвера при запутанности тогдашнихъ отношеній, при нерасположеніи однихъ и равнодушномъ отношеніи другихъ къ Россіи. Выгоды, напр., Англіи и Ганновера, Австріи и Пруссіи такъ переплетались съ выгодами союзниковъ Петра (Даніи и Польши) что невмѣшательство ихъ въ Сѣверную войну являлось невозможнымъ дѣломъ. Войска Саксонскія и Датскія, находясь въ войскахъ аліатскихъ, участвовали въ войнѣ съ Фран-

*) Арх. Кур. т. IV стр. 47 и слѣд.

цію; Августъ Саксонскій былъ членомъ Имперіи, императоръ которой воевалъ съ Людовикомъ XIV. Пруссія, Данія, Ганноверъ, Мекленбургъ и др., слишкомъ заняты были Шведскими дѣлами на сѣверѣ Германіи и пр. Недаромъ князь Куракинъ сказалъ, что ему дана была „великаго дѣла инструкція“. И князь посылался полномочнымъ министромъ собственно не въ Голландію, но къ представителямъ Великаго Аліанса. Въ данной ему полномочной писалось: „объявляемъ, что мы отправили въ Голландію для смотрѣнія нашихъ интересовъ полномочнаго нашего министра и подполковника отъ гвардіи кн. Куракина, которому даемъ чрезъ сіе полную мочь высокимъ союзнымъ областямъ, противъ Франціи воюющимъ, цесарскому величеству Римскому и ея королевскому величеству Великобританской и высокочномъ господамъ Статамъ Соединенныхъ Нидерландовъ о всякихъ приключаящихся дѣлѣхъ предложенія чинить и во время случая съ министры ихъ трактовать. И что онъ полномочный нашъ министръ помянутымъ высокосоюзнымъ именовъ нашимъ предлагать будетъ, или съ оными какой трактатъ поставитъ и заключить, то отъ насъ все твердо и ненарушимо содержано будетъ“. Въ инструкціи, данной Куракину въ Торгау, подробности поручавшагося ему дѣла изъяснялись нѣсколько иначе, чѣмъ какъ предлагалось Матвѣеву въ 1710 г. „Князь долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы „Высокосоединенные“ Запада ни теперь, когда велась война за Испанское наслѣдство, ни по учиненіи мира съ Франціей, не только не вмѣшивались въ войну Сѣверную, но не хлопотали о возвращеніи Шведамъ завоеванныхъ Петромъ и его союзниками мѣстъ при Балтійскомъ морѣ. „И чтобы сіе ихъ, Соединенныхъ, обѣщаніе не такъ, какъ нейтральной актъ былъ сочиненъ и въ дѣйство не произведенъ, но дабы о томъ постановленный трактатъ отъ самыхъ высокихъ потентатовъ подписанъ былъ“. Далѣе князь Куракинъ долженъ былъ заявить, что царь обѣщаль не только не вмѣшиваться съ своей стороны въ войну Запада, даже и по заключеніи мира съ Швеціей, еслибы таковой состоялся ранѣе мира на Западѣ, но, еслибы угодно было Аліатамъ Запада, и свое вступленіе въ Великій Аліансъ и содѣйствіе войсками. Объ этомъ, обще съ Матвѣевымъ, обязывался хлопотать князь Куракинъ, настаивая на немедленномъ рѣшеніи въ двухъ мѣсячный срокъ, дабы царь имѣлъ время приобщить къ этому дѣлу и своихъ союзниковъ *).

Въ связи съ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ князю Куракину поручались и дѣла Франціи, гдѣ агентомъ Россіи былъ Волковъ. Онъ обо всемъ

*) Архивъ кн. Кур. II, 46.

долженъ былъ переписываться съ кн. Куракинымъ, требовать отъ него указовъ и безъ его разрѣшенія ничего не предпринимать. Неопредѣленность отношеній аліатовъ Запада къ Сѣвернымъ и невозможность, вслѣдствіе этого, опредѣлить заранѣе плоды этихъ отношеній, побуждали Петра искать выгодъ и во Франціи. Предусмотрительный царь не только не прерывалъ своихъ сношеній съ этой страной, но поручилъ кн. Куракину (при отъѣздѣ его изъ Россіи) предложить, чрезъ Волкова, Французскому министерству слѣдующіе пункты: 1). Хотеть-ли Людовикъ XIV принять медиаторомъ царя въ примиреніи съ аліатами Запада? 2) Если бы король захотѣлъ возбудить Турка противъ своихъ непріятелей, то царь обязывается ни съ кѣмъ не вступать въ аліансъ противъ него, но при условіи, чтобы король „ничего не клалъ о Шведѣ въ нынѣшнемъ миру“. Если бы король принялъ указанные пункты, то царь обѣщаль прислать во Францію особаго министра для заключенія договора. По пріѣздѣ въ Гагу, кн. Куракинъ въ Ноябрь 1711 г. обо всемъ этомъ сообщилъ Волкову¹⁾. Князь думалъ, что этимъ министромъ будетъ онъ и что ему самому придется ѣхать во Францію, когда покажетъ время²⁾. Такимъ образомъ первоначальное намѣреніе царя послать князя изъ Лондона въ Парижъ отчасти осуществлялось: кн. Куракинъ изъ Гаги, хотя и не въ качествѣ посла, слѣдилъ за политикою Франціи.

Кромѣ этихъ важныхъ дѣлъ кн. Куракину поручались и другія. Въ числѣ ихъ одно изъ крупныхъ—дѣло о покупкѣ военныхъ кораблей. О важности этого дѣла говорилъ князю и самъ царь: „вся наша нынѣ война въ томъ состоитъ“, замѣчалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю³⁾. Дѣломъ покупки кораблей за границей завѣдывалъ Ѳедоръ Салтыковъ: „понеже онъ сей кунштъ отчасти зналъ“⁴⁾. Въ Іюнь 1711 г. Салтыковъ получилъ отъ Меншикова наказъ, въ которомъ ему поручалось ѣхать въ Копенгагенъ и тамъ освѣдомиться при помощи Русскаго посла, князя В. Л. Долгорукова, гдѣ какіе продажные корабли есть и какимъ образомъ ихъ можно купить. Узнавъ, ѣхать въ мѣста нахожденія кораблей, а особенно во Французскій городъ Дункеркенъ и Голландію, гдѣ находилось довольно кораблей изъ взятыхъ каперами. По пріѣздѣ, корабли осмотрѣть и приторговать „въ какую цѣну возможно“; объ этомъ писать „по часту“ царю и ему, Меншикову. Будучи въ сей посылкѣ, Салтыковъ долженъ былъ вездѣ вести

¹⁾ Арх. II, 48.

²⁾ Арх. V, 22.

³⁾ Арх. II, 66.

⁴⁾ Арх. I, 1.

себя инкогнито, выдаваясь за Россійскаго дворянина; корреспондировать осторожно и цифирью¹⁾). Теперь Салтыкову посланъ былъ указъ поступать во всемъ согласно съ кн. Куракинымъ и слушать его распоряженій. „Г. Салтыковъ! Писаль ему собственноручно Петръ, въ Голландію посылается для нашихъ дѣлъ князь Куракинъ, которому о томъ же дѣлѣ приказано управлять, и тебѣ бы о всемъ съ нимъ списываться и обще стараніе имѣть“²⁾). Такъ какъ корабли покупались и въ Англіи, чѣмъ завѣдывалъ Томасъ Стельсъ, то и его царь собственноручно увѣдомлялъ о посылкѣ кн. Куракина въ Голландію, прося его имѣть съ нимъ корреспонденцію, во всемъ ему вѣрить и содѣйствовать³⁾). Петръ снабдилъ кн. Куракина, отпуская его изъ Торгау, возможно подробною инструкціею относительно покупки кораблей. Князю поручалось: 1) приискать и купить кораблей пять, или больше, а по конечной нуждѣ—три, отъ 60 до 48 пушекъ, чтобы были доброй препорціи, и, договорясь цѣною, тотчасъ писать чрезъ Эльбингъ къ намъ“. Хорошо было бы получить всѣ Англійскіе, причемъ расходъ по покупкѣ ихъ возложить на Стельса за старый долгъ, который на немъ (Стельсъ—купецъ). Если трудно будетъ купить Англійскіе, то можно и Голландскіе, но непременно, чтобы были изъ Зейландіи и чтобы „не гораздо стары были“. 2) Чтобы на корабляхъ находилось полное число пушекъ, а именно: „которые въ 60 пушекъ, то бѣ на нижней палубѣ полукартауны или 18 фунтовыя, а прочія палубы вполы одна отъ другой, а которыя въ 50 или 48 пушекъ, то у тѣхъ исподнія въ 12 фунтовъ ядра; а по нуждѣ хотя и неполное число пушекъ“. 3) Веревки и паруса, каковы есть и запасныхъ не надобно; все это можно дешевле найти дома. Когда корабли будутъ куплены, то проводить ихъ туда, гдѣ будетъ зимовать Датскій флотъ, если на этотъ предметъ не получится иного указа. 4) Цѣна кораблямъ—Голландскимъ 50-ти пушечнымъ около 24000 р., а Англійскимъ—можно по тысячѣ или по двѣ на каждую десять тысячъ прибавить. 5) Въ цѣнѣ гораздо смотрѣть, чтобы лишняго не дать, понеже намъ только корпусы одни нужны“. О поручаемомъ дѣлѣ кн. Куракинъ долженъ былъ всячески стараться, а о производствѣ его писать царю „по вся почты“; а когда торгъ состоится, то съ извѣстіемъ о немъ прислать немедленно курьера⁴⁾). Дѣло покупки кораблей было не легкое. Отъ лица, вѣдавшаго это дѣло, требовались техническія, специальныя знанія, чтобы не купить корабля съ бракомъ, плохо устроеннаго. Кромѣ того, морскія державы подозрительно отно-

¹⁾ Арх. II, 357.

²⁾ Арх. II, 51.

³⁾ Арх. II 47—48.

⁴⁾ Арх. I, 1.

сились къ усиленію нашего флота: на Балтійскомъ морѣ велась война; все это заставляло какъ покупку кораблей, такъ и отправку ихъ въ Россію производить умѣло и осторожно, чтобы не навлечь себѣ выговора отъ царя, не вызвать подозрѣнія морскихъ державъ и тѣмъ не осложнить отношеній ихъ къ Петру, наконецъ. необдуманною отправкою не погубить корабля уже купленнаго.

Помимо кораблей, князю Куракину поручалось производить и всѣ другія дѣла по куплѣ и продажѣ разнородныхъ вещей, а равно по найму для Россіи нужныхъ людей. Голландія была торговою страной: поэтому было естественно, что ея купцы поддерживали Швецію воинскими и другими припасами въ своихъ торговыхъ интересахъ. Важно было остановить эту поддержку или ее ослабить, что тоже поручалось наблюденію князя Куракина¹⁾.

Такъ какъ въ Голландіи учились морскому дѣлу Русскіе навигаторы, которыми завѣдывалъ Львовъ, то и наблюденіе и за этими учениками возлагалось теперь на князя Куракина: Львовъ долженъ былъ во всемъ слушаться князя. Объ этихъ навигаторахъ князь Куракинъ писалъ еще въ 1706 г., что „нашей націи народъ—люди бездѣльные и пьяные и что трудно ими управлять“²⁾.

Съ такими порученіями, постепенно расширявшимися по мѣрѣ новыхъ обстоятельствъ, и посылался теперь князь Куракинъ въ Голландію, съ годовымъ окладомъ въ 6000 ефимковъ: „а въ дачѣ денегъ, говоритъ князь, на силу великую могъ выхлопотать у графа Головкина 6000 еф. годового жалованья“³⁾. Сумма эта (около 33000 р.—40,000 на наши деньги⁴⁾) не настолько уже была значительна, чтобы могла соответствовать положенію представителя Россіи при выступленіи его на сцену общеевропейской дѣятельности. Въ Лондонѣ князь Куракинъ проживалъ почти въ два съ половиною раза болѣе назначеннаго ему въ Голландіи жалованья⁵⁾,

Пока кн. Куракинъ ѣхалъ къ Штатамъ въ качествѣ полномочнаго министра; но самъ Петръ трактовалъ князя даже посломъ. „Находилъ

1) Арх. II, 105.

2) Арх. III, 333.

3) Арх. III, 310.

4) Ср. Р. Арх. 1906 г. I, 521. Ефимокъ равнялся 80—87 к., Рубль 1710 г. въ 7 или 8 разъ былъ дороже современнаго.

5) Тамъ-же, стр. 524.

я себѣ нѣчто чрезвычайнаго видѣть изъ писемъ властныхъ царскаго величества, писалъ кн. Куракинъ по прибытіи въ Голландію, что царь мнѣ надпись давалъ и въ письмѣ въ заглавіи упоминалъ: „Господинъ посоль“, также и въ надписи упоминалъ: „Господину послу“, а не такимъ образомъ, какъ прежде сего подписывалъ „господину подполковнику отъ гвардіи“. И того для надлежитъ мнѣ разсуждать, въ какое намѣреніе тотъ мнѣ характеръ данъ, котораго не имѣю. Я былъ въ томъ мнѣніи: или ругаяся, или отлуча моего полуполковничьяго чину. Однакожь по томъ времени получилъ полномочную о заключеніи трактата коммерціи, въ которой я написанъ подполковникомъ отъ гвардіи. Еще инымъ образомъ разсудилъ. чая мнѣ въ угодность то чинить. вмѣсто какого награжденія, вмѣняя быть мнѣ тѣмъ удоволену. Но я, все то получа, за большее сокрушеніе принималъ, нежели за удовольствіе“. И, конечно, не иронически называлъ царь кн. Куракина посломъ: это не соотвѣтствовало бы тому великому порученію, какое ему предлагалъ государь; естественнѣе думать, что Петръ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе, по времени, сдѣлать князя настоящимъ посломъ, что и случилось по удаленіи Матвѣва.

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ кн. Куракинъ къ сему послѣднему, сказать трудно; вѣроятно эти отношенія и не были строго опредѣлены. „Обхожденіе мое, говоритъ князь, такъ было трудное съ посломъ Матвѣвымъ, что никогда такъ политично не былъ ни съ кѣмъ принужденъ обходиться. такъ что оной въ амбиціи своей хотѣлъ свою ауторити казать; но я трудился, чтобы мнѣ своей не утерять. Правда, ему большій способъ былъ его характеръ, а мнѣ порода моя и властное имя, къ тому же и кредиту большаго при дворѣ“. Отсюда видно, что кн. Куракинъ не хотѣлъ быть ниже Матвѣва, на правахъ подчиненнаго ему и зависимаго отъ него человѣка; онъ былъ равенъ ему, а по происхожденію и родству при дворѣ даже выше Матвѣва. При такихъ условіяхъ, естественно должно было возникнуть соперничество между обоими лицами, которое вскорѣ и обнаружилось. „Я усмотрѣлъ, пишетъ кн. Куракинъ, въ пріѣздѣ своемъ, противнаго, что мой кредитъ чрезъ интриги Матвѣва не можетъ распространиться: того для я не очень могъ бытъ дѣйствителенъ въ дѣлѣхъ“. Когда собирался Утрехтскій съѣздъ, то обоимъ поручено было ѣхать на него въ качествѣ представителей Россіи. „Тогда я усмотрѣлъ, пишетъ откровенно князь, что мнѣ (нельзя) быть при такомъ великомъ дѣлѣ, что есть славно на весь свѣтъ, безъ всякой ауториты. И чтобы не безчестно было къ моей чести, тогда я нашелъ способъ такой: сложилъ полномочную грамоту, которая мнѣ могла быть дѣйствительнѣе и, написавъ, ко двору послалъ,

въ которой бы именовалось, что я именно посылаюсь на съѣздъ въ Утрехтъ. И на ту вскорѣ указъ получилъ, согласный съ моими желаніями. Одновременно съ этимъ и Матвѣеву прислана была полномочная, въ которой не написанъ посломъ, только полномочнымъ, въ томъ же видѣ, какъ и мнѣ¹⁾. Я сіе разсудилъ, что у него тѣмъ, при такомъ съѣздѣ, отлучилъ характеръ“. Такое соперничество между обоими представителями Россіи отражалось на отношеніяхъ князь Куракина къ иностраннымъ министрамъ.

Когда князь, 29 Октября вечеромъ, пріѣхалъ въ Гагу, то въ этотъ же день, обославшись съ Матвѣевымъ, былъ у него и предъявилъ ему царскіе указы²⁾. 30-го Октября, обославшись съ ратпенсіонаріемъ Генсіусомъ, кн. Куракинъ былъ у него, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, и предлагалъ по инструкціямъ о цѣли своего посольства. О томъ же, на другой день, оба министра предлагали Англійскому, милорду Стратфорту, и Австрійскому, графу Гоусу. У ратпенсіонарія Куракинъ предъявилъ свою полномочную и сказалъ, что царь „велѣлъ ему обнадѣжить генераловъ-статовъ своею неотмѣнною дружбою и что онъ намѣренъ всегда содержать добрую корреспонденцію и пребывать въ доброй дружбѣ; что онъ также и къ особѣ ратпенсіонера имѣеть особую склонность и почтеніе, потому что о склонностяхъ его къ интересамъ царя могъ пространно извѣститься чрезъ доношенія Матвѣева“. Кромѣ Генсіуса, кн. Куракинъ былъ у президента Гренинской провинціи, Гокенгайла, которому объявилъ, что „по указу царя будетъ находиться нѣкоторое время въ Голландіи для предостереганія интересовъ его царскаго величества“. Однако, вопреки обычая, требуемаго этикетомъ, и донинѣ наблюдаемымъ, кн. Куракинъ не объявилъ о своемъ пріѣздѣ чужестраннымъ министрамъ, потому что „избѣгалъ церемоніала“³⁾. Не смотря на это, чужестранные министры почтили кн. Куракина первыми визитами. „А особливо, пишетъ князь, я имѣлъ честь и чрезвычайное почтеніе отъ дука Мальбурха (Мальборо), что ввечеру мнѣ отдалъ визиту первый; и милордъ Стратфортъ тожь учинилъ; также потомъ и всѣ другіе чужестранные министры“. Представитель Германіи, министръ цезаря, не хотѣлъ дѣлать перваго визита Матвѣеву, когда тотъ явился въ Гагу; но кн. Куракину онъ сдѣлалъ. „Правда, замѣчаетъ князь, это было не предосудительно въ его персонѣ, потому что я былъ безъ характера“. И другіе персоны перваго ранга имѣли съ кн. Куракинымъ доброе обхожденіе, какъ напр., принцъ Евгенийъ Савойскій,

¹⁾ Матвѣевъ получилъ ранѣе полномочную, вообще къ съѣзду, но не въ Утрехтъ. Арх. Кур. П, 33.

²⁾ Арх. Кур. IV, 49.

³⁾ Тамъ же IV, 51.

относясь къ нему съ „естимою“¹⁾. Когда кн. Куракинъ пріѣхалъ къ нему „отдать первую визиту, то принцъ Евгенийъ встрѣтилъ его у дверей, а потомъ далъ правую руку на стулахъ сидѣть. И во всѣхъ разговорахъ имѣлъ почтеніе, а при прощаніи провожалъ, сойдя съ крыльца на три ступени“²⁾. Изъ министровъ чужестранныхъ князь имѣлъ доброе обхожденіе съ Датскимъ, Польскимъ и Палатинскимъ, особенно съ Датскимъ. Изъ Русскихъ персонъ особенно хорошо относился къ кн. Куракину кн. Меншиковъ: 26 Февраля онъ написалъ кн. Куракину чрезвычайное письмо, съ покорностію и учтивостію, въ которомъ объявлялъ о врученіи своей команды въ Помераніи и просилъ о корреспонденціи³⁾.

Повидимому, и Штаты отнеслись къ назначенію кн. Куракина съ удовольствіемъ и уваженіемъ. Такъ, утромъ, въ 9 часу, 6 Ноября, пріѣзжалъ визиту отдавать кн. Куракину агентъ Розенбаумъ; онъ говорилъ князю слѣдующій комплиментъ отъ Генеральныхъ Штатовъ: „Ихъ высокопочетства безмѣрно благодарны тѣмъ, что его царское величество учинилъ имъ честь, приславъ вашу особу яко своего полномочнаго министра. И врученная (полномочный списокъ) чрезъ ратпенсіонарія была сообщена ихъ высокопочетствамъ. И въ томъ, съ своей стороны, велѣли обнадѣжить, что такая ваша особа принята, и во всемъ предложенія ваши и все изслѣдованіе въ дѣлахъ дѣйствительны будутъ. И въ засвидѣтельство вѣрное того, присылаютъ письменный экстрактъ; при томъ-же и для вольнаго привилежія, какъ всѣ министры обыкновенно имѣютъ“. Въ экстрактѣ говорилось, что „господинъ фонъ-Гокингъ, президентъ въ собраніи, доносилъ ихъ высокопочетствамъ и объявилъ, что господинъ-*принцъ* фонъ-Куракинъ, полномочный его царскаго величества, былъ у него для объявленія ихъ высокопочетствамъ о своемъ прибытіи сюда и вручилъ ему списокъ съ своей полномочной грамоты, и тоя оригиналь ему показалъ, дабы его царскаго величества дѣла здѣсь осматривать и высокимъ соединеннымъ противъ Франціи, его цесарскому величеству, ея королевину величеству Великобританскому и ихъ высокопочетствамъ о томъ, что потребно, предлагать и съ ихъ министры трактовать. И по совѣтованіи о семъ, заблаго избрѣтено и разсуждено чрезъ сіе объявить, что помянутый господинъ *принцъ* фонъ Куракинъ ихъ высокопочетствамъ въ выше упомянутомъ характерѣ полномочнаго его царскаго величества пріятенъ, и имѣетъ экстрактъ изъ сего ихъ высокопочетствъ рѣшенія чрезъ агента Розенбаума оному врученъ бытъ.

¹⁾ Арх. Кур. III, 313.

²⁾ Арх. Кур. IV, 52.

³⁾ Арх. Кур. III, 313.

Изъ этого видно, что Куракинъ официально признанъ былъ Штатами не только въ качествѣ полномочнаго министра, но и принца, родственника царя, за назначеніе котораго республика была „безмѣрно благодарна“.

Однако, несмотря на столь блестящій пріемъ, князь Куракинъ, въ зиму 1711—12 г., видѣлъ и много „шагрину“. Нѣкоторые представители Голландской республики отнеслись къ нему „непріемно“. Вопреки обычая, они не сдѣлали ему перваго визита, такъ что князь началъ самъ, не ожидая отъ нихъ, отдавать визиты. „Однакожь, пишетъ онъ, отъ многихъ контръ-визиты не имѣлъ; а паче всѣхъ объявлю двухъ принципальныхъ персонъ: Грефиль и Фагель, также и великій казначей Гообъ и Рандвикъ визиты мнѣ насупротивъ не отдали... Также, хотя малое обстоятельство, однакожь объявлю: отъ дамъ никакой пріемности себѣ не имѣлъ, весьма всѣхъ холодныхъ видѣлъ и за самаго постоянного (обыкновеннаго) человѣка былъ принять“.

Причина подобныхъ „шагриновъ“ лежала отчасти въ неопредѣленности его положенія при Матвѣевѣ. „Великая была помѣшка о двоихъ насъ здѣсь находящихся“, замѣчаетъ кн. Куракинъ, объясняя свои отношенія къ чужестраннымъ министрамъ; „оныя, видя желюзію между нами, не знали, какъ обходиться, и часомъ склоннѣе къ нему являлись, а часомъ ко мнѣ. Но я, правда, могу сказать, своей стороны не имѣлъ никакого подозрѣнія; но помянутый Матвѣевъ весьма—e come credo che avevano detto qualche cosa a tutti quelli in segreto di mettere qualche zra noi mesintelligenza“²⁾.

Въ такомъ положеніи находился кн. Куракинъ, пока не уѣхалъ изъ Голландіи Матвѣевъ, и князь не сдѣлался единственнымъ представителемъ Россіи: Уже въ Мартъ (22-го) 1712 г., Петръ писалъ Штатамъ: „Изобрѣли мы запотребно, вмѣсто нашего, до сего времени при вашемъ высокомоціи бывшаго посла, г. Матвѣева, къ продолженію дружбы и содержанію добраго согласія полномочному нашему министру и подполковнику отъ гвардіи князю Куракину, посланному отъ насъ къ вашему высокомоцію и нынѣ пребывающему при васъ. въ помянутомъ характерѣ и впредъ пребывать при васъ. Того ради просимъ ваше высокомоціе дружбно, чтобы вы не токмо склонную ему аудіенцію

¹⁾ Арх. Кур. IV, 54.

²⁾ Арх. III, 314, т. е. и какъ я думаю, сказалъ что нибудь всѣмъ тѣмъ по секрету для того, чтобы возбудить между нами недоразумѣніе.

дали, но и во всемъ томъ, что онъ какъ нынѣ, такъ и впрочемъ отъ времени до времени по нашему указу вашему высокомоучію предлагать будетъ, полную вѣру яти, такожде и всегда ему на то такую резолюцію дати изволили, какову мы нашего ради всегда доказаннаго добраго намѣренія къ вашему высокомоучію уповаемъ“¹⁾). Такимъ образомъ совмѣстно съ Матвѣевымъ кн. Куракинъ управлялъ дѣлами не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ Августѣ того-же года, онъ, какъ особо полномочный царя, назначался уже посломъ, съ тѣми преимуществами положенія, какія имѣлъ и Матвѣевъ²⁾). Это случилось послѣ личнаго свиданія кн. Куракина съ царемъ въ Грибсвальдѣ, куда князь вызывался Петромъ изъ Голландіи. Здѣсь же, вскорѣ, послѣ назначенія посломъ, онъ удостоился и особаго царскаго расположенія: 14 Сентября царь произвелъ „подполковника отъ гвардіи князя Бориса Куракина, за его вѣрнорадѣтельныя къ царю службы и для добраго воинскаго искусства—въ генералъ-майоры“. „И состоимъ въ надеждѣ, писалъ царь въ патентѣ на чинъ, что онъ, князь, во всемъ тако держаться и намъ служить будетъ, како его храбрости и доброму офицеру надлежитъ“³⁾). Въ это время новому генералу было 36 лѣтъ.

С. Кедровъ.

¹⁾ Арх. Кур. II, 53.

²⁾ Полномочная отъ 30 Августа. II, 55.

³⁾ Арх. Кур. II, 57. Въ Декабрѣ 1712 года Матвѣевъ уѣхалъ на резиденцію въ Вѣну, на мѣсто Урбиха, которымъ былъ недоволенъ Вѣнскій дворъ (онъ желалъ національнаго министра II, 378). Въ Австріи Матвѣевъ находился до конца Февраля 1715 г. Отсюда онъ, поручивъ завѣдываніе дѣлами секретарю Ланчинскому, отправился въ качествѣ посла въ Польшу, но здѣсь не остался и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто президента Юстицъ Коллегіи. Соловьевъ XVII, 106, 118, 120.